

Загудел доильный аппарат.

— Сейчас станет легко и приятно, — Вера Ивановна сама пришлёпнула на груди новой пациентке молокоотсосы:

— Очень многие женщины при кормлении испытывают сильные и весьма приятные ощущения определённого рода. Вплоть до оргазма. А при механическом отсасывании молока эти ощущения усиливаются многократно. Поэтому, не надо так стесняться.

Мы начали раздаивать очередную будущую корову. Большого труда стоило её уговорить раздеться и поднять руки под кольцом. Но Вере Ивановне, как всегда, это удалось. Очень скоро процедуры для неё превратятся в дойки и, в конце концов, она отправится на ферму полноценной мумушкой.

— Раздвигаем ножки, — Ольга гладила ей лобок, иногда касаясь пальчиком половых губок.

— Не надо! Ну, я прошу... — заупрямилась та.

— Леночка, надо увеличить вакуум, — попросила Вера Ивановна. Я усилила работу доильного аппарата. Молоко по трубкам побежало интенсивнее. Будущая мумушка шумно задышала.

Щёки её порозовели.

— Да! — тихо прошептала она. Прикрыла глаза и медленно раздвинула ноги.

— Пусть, Лена, — дала мне Вера Ивановна резиновые перчатки. Я надела их и подошла к пациентке, сменив Ольгу.

Стоило мне прикоснуться к ней, как она мелко задрожала всем телом. Я ввела сначала один пальчик, потом второй, потом четыре, большим пальцем нащупывая клитор.

— Сейчас мы тебе и попку поласкаем. У меня на анальных целок рука лёгкая, — подошла к ней сзади Ольга. Через минуту пациентка с безумными глазами дёргалась, извиваясь всем телом. Её даже не трясло, а колотило в приступе оргазма.

— Умница! И чего упрямилась? — сняла перчатки Ольга. Я тоже сняла перчатки и выключила доильный аппарат. Молокоотсосы упали вниз. Ольга впилась губами ей в левую грудь. Я двумя руками сжала правую и припала к соску. Удивительно! Молока почти не было. Аппарат выдоил её до дна.

— Ой! Ой! Ой! — задёргала она плечами, пытаясь вырвать у нас свои груди.

— С первого раза из пациентки в роскошную мумушку превратилась! — потрепала по щеке её Ольга.

— В какую ещё мумушку? — захлопала та глазами.

— Теперь тебя каждый день доить будут, — мне почему-то тоже не было её жалко.

— Не хочу! Я больше не приду к вам, — вдруг, заплакала она. По щекам потекли слёзы.

— Прибежишь. Завтра молоко на мозги надавит, и прибежишь. Ещё и упрашивать нас подоить себя будешь. А мы тебя и мычать научим, — Ольга стала развязывать ей руки.

— Ну-ка, прекратите обе! — прикрикнула на нас Вера Ивановна:

— Отведите Ниночку в гигиеническую комнату, потом на кресло. Я её посмотрю.

В душе новоиспечённая корова не упрямилась. Дала себя и помыть, и подмыть. Когда она была уже на кресле, пришла Аня. Вот, тут, наверное, для неё началось самое ужасное. Пока её смотрела Вера Ивановна, она не сводила широко раскрытых от ужаса глаз с Ани, которую мы с Ольгой доили на станке...

— Леночка, ты помнишь наш разговор на прошлой неделе? — обратилась ко мне Вера Ивановна, когда новая мумушка уже выскочила в коридор.

— Какой разговор? — спросила я.

— О том, что качество материнского молока влияет на физическое развитие и интеллект ребёнка.

— Помню, — присела я перед её столом.

— Вот и поживёте с Аней в одной интересной семье. Хозяин — человек очень обеспеченный, но возраста уже преклонного. И надо же, молодая жена родила ему двойню. Естественно, как и подавляющее большинство жён олигархов, эта сушёная модель кормить грудью своих отпрысков не пожелала. А тут, как раз, наша реклама о твоём, Лена, и твоём, Аня, молоке.

— Вера Ивановна, — вытирая волосы, вышла из душа Аня:

— Молока у нас всё равно будет оставаться много. Мы же коровы, а не какие-то там кормящие дуры. Мы раздоены и сцеживаться после каждого кормления будет очень долго и тяжело.

Надо взять с собой станок и доильный аппарат.

— Разумно, — кивнула головой Вера Ивановна:

— А вечером за лишним молоком будет приезжать мой водитель. Я распоряжусь. Теперь, главное, — лицо Веры Ивановны стало серьёзным:

— Мумушки, вы высоко оплачиваемые работники. Очень высоко оплачиваемые. Круг ваших обязанностей оговорён строгим контрактом. Не позволяйте относиться к себе, как к прислуге, которой в доме предостаточно. Просто, я хорошо знаю эту сушёную воблу, чьих детей вам придётся кормить. Люсьен Васильевна! Это же из какой дыры надо вылезти, чтобы придумать себе такое имя? Если что, сразу звоните мне.

Вера Ивановна поднялась из-за стола:

— Лена, Оля, идите. А ты, Аня, задержись. Я тебя посмотрю.

— Вера Ивановна, а как же пятница? Банный день? — спросила я.

— Ничего. Оленька одна справится, — улыбнулась она.

— Садись, я тебя до дома довезу, — сказала мне Ольга, когда мы вышли на улицу. Мы сели в машину.

— А, что ты с Верой Ивановной в эту пятницу делать будешь? — мне, правда, было интересно.

— Опять в подвал отведу. Только на этот раз переверну, — мы поехали.

— Как это?

— Она на поясницу пожаловалась, так Семён Маркович приказал её на живот положить.

Задницу наружу выставит. На полу сама стоять будет, а ноги за лодыжки к стене привяжем. В общем, раком. Мы с Семёном Марковичем уже на Аньке проверили.

— Когда успели?

— Вчера, после вечерней дойки, когда ты домой ушла.

— А, что Аня?

— Не знаю, что с той стороны творилось, только визжала и дёргалась, как резаный поросёнок.

— А, сколько на этот раз там этих в презервативах будет?

— Кто же знает? Хотя, что ей? Она тётка выносливая. Я как-то попросила Яну, чтобы она меня по дорожке погоняла, так на второй минуте взмолилась. А она двадцать минут бежит и ничего ей. Странная какая-то. А может и ненормальная. Образованная. Врач хороший. Красивая. В свои сорок выглядит на все сто. А надень на неё ошейник, становится покорной и согласной абсолютно на всё.

— Слушай, Оль, а мне можно на дорожке попробовать? — неожиданно для самой себя попросила я.

— Таким, как вы с Анькой нельзя. Вы же дойные. Да ещё с таким молоком! Вас беречь нужно. Приехали, — остановила она машину около моего дома.

На следующий день Коля, водитель Веры Ивановны, на джипе отвёз нас в сказочное место. В лесу на берегу озера стоял дворец. Самый настоящий дворец с лифтами и бассейнами. Хозяином всего этого был Егор Ефимович. Ещё по дороге Коля рассказал, что все зовут его Жориком. Стоило нам познакомиться с ним, как стало понятно почему. Этот полысевший пятидесятилетний мужчина с пивным животиком оказался человеком невероятно добрым. Нас он принял очень приветливо. Смутил только высоченный забор, окружавший большой участок леса, и множество охраны. Но Жорик объяснил, что мы можем выходить за территорию, когда захотим.

Во дворце нам выделили целый этаж, где были моя комната, Анина и ещё несколько больших помещений. Одно мы в первый же день переоборудовали под свою маленькую ферму, установив там станок и доильный аппарат.

К работе приступили немедленно. Детей, двух очаровательных девочек, когда это требовалось, приносила горничная. Быстро выяснилось, любая из нас может накормить обеих одна. И молоко ещё оставалось, поэтому очень кстати мы привезли станок и доильный аппарат.

Ещё во дворце жила кухарка тётя Поля. Милейшая старушка, с которой мы сразу подружились. Готовила она так, что стали опасаться за свои фигуры. А тут ещё Аня взяла моду везде появляться на высочайших шпильках.

— Зачем тебе это? Ноги испортишь, — укоряла я её.

— Рядом с такой дылды, как ты, я кажусь ребёнком, — огрызалась она.

— Ребёнок с такой-то грудью. Видела бы, как на тебя охранники пялятся.

— Потому и пялятся, что на каблуках.

Работа нас не тяготила. После кормления малышей, мы доили друг дружку и шли на теннисный корт или в бассейн. Неделя подходила к концу, и на выходные мы собирались по очереди съездить домой.

Всё было бы прекрасно, если бы не главная проблема, из-за которой мы оказались здесь. Это — хозяйка. Люсьен Васильевна. По возрасту она была лишь на пару лет старше меня. Не больше. Выговор выдавал в ней не москвичку. Видимо, родом она была с юго-западных окраин страны. При муже это была ласковая кошка. Но стоило Егору Ефимовичу уехать по делам, тут же превращалась в мегеру. С прислугой разговаривала не иначе, как через оттопыренную нижнюю губу. Нас невзлюбила моментально, как и предупреждала Вера Ивановна, пытаясь нами понукать.

— Вот же подагра какая! — как-то в сердцах сказала про неё Аня. Так она и стала для нас Подагрой. А, однажды, без стука войдя в комнату, где я доила Аню, и вовсе стала нас считать розовыми.

В пятницу вечером Коля, водитель Веры Ивановны, увёз излишки нашего молока. Дети спали. Мы приоделись, Аня на своих неизменных шпильках, и решили прогуляться. Тут в дверь постучали, и вошла Подагра.

— Коля какое-то оборудование от Веры выгрузил. Идите, разберитесь. Охрана вас проводит, — как всегда через нижнюю губу проговорила она.

— Это интересно! Пошли, посмотрим, — потащила меня за руку Аня.

На первом этаже нас ждали два охранника. Высокий и маленький, которые повели нас в подвал.

— Прошу, — открыл передо мной дверь тот, что был повыше. Я зашла в комнату. Остальные двинулись за мной. Как только вошли, низкий схватил Аню.

— Ты что? — стала вырываться та.

— Хозяйка приказала оттрахать вас дуэтом. Сейчас мы вам устроим доильный аппарат в два смычка, — высокий, тупо улыбаясь, пошёл прямо на меня.

— Мальчишки, не надо! — попятилась я. Вдруг, отчётливо вспомнились те два немца, которые напали на нас с Викой в Гамбурге. Вспомнилось, как расправилась с ними Мария Юрьевна.

— Но, за что хватать? И как? — стучало в мозгу.

— Ай! Ладно! — подумала я, сделала шаг вперёд и со всей силы ударила туфлей его между ног.

— Ум! — мгновенно сложился он пополам, засунув кулаки в пах и сжав их ногами.

— Ум! — подпрыгнул на месте.

— Ум! Ум! Ум- как кенгуру запрыгал вдоль стены.

— Ах ты, сука! — было дёрнулся ко мне второй, но...

— На! — Аня сверху вниз шпилькой босоножки ударила ему по носку ботинка так, что шпилька пробила обувную кожу.

— О! —

от неожиданности и боли присел он, растопырив ноги.

— Бей!!! — закричала Аня. Я ударила ногой его между ног. На этот раз не рассчитала. Попала носком туфли так, что отбила себе большой палец на ноге. Он, выпучив глаза, замер на мгновение, потом, так и оставаясь с растопыренными ногами, повалился носом в пол.

— Может, этого добьём? — Аня показала на второго, который продолжал скакать с зажатыми кулаками в паху.

— Некогда. Пусть кенгурирует. Пойдём с Подагрой поговорим, — тмахнула я рукой, и мы обе выскочили за дверь.

— Чего хромаешь? — спросила Аня, когда мы шли по коридору.

— Ногу отбила. У второго яйца какие-то крепкие оказались.

— Ага! Железные! То-то он сразу в nirvanу ушёл. Ты где такое освоила?

— Мария Юрьевна научила.

— Машка-сисястик что ли?

— Какая она тебе Машка-сисястик? Мария Юрьевна в психушке санитаркой работала. А это круче любого спецназа.

— Я тоже спецназ. Детдомовская я. Сейчас увидишь, — Аня рывком открыла дверь в гостиную.

Резко повернувшись от барной стойки к нам, Подагра удивлённо замерла с бокалом вина в руке. Аня сходу направилась к ней.

— На! — коротко размахнувшись, ударила она её кулаком прямо в лицо. Бокал упал на пол и разбился. Подагра спиной перелетела через стойку, задрвав ноги выше головы. Оголились её розовые трусики. Аня схватила её за ворот и рванула так, что платье затрещало по швам. Я бросилась помогать. Как бы не сопротивлялась Подагра, но через минуту она была уже абсолютно голая. Аня схватила её за волосы и поволокла вверх по лестнице.

— Падлы грудастые! Я вас живьем в асфальт закатаю! — кричала Подагра, когда мы

привязывали её к станку.

— Заткни ей пасть чем-нибудь! — крикнула мне Аня. Я вспомнила, что в аптечке красный шарик, кляп, с которым Вера Ивановна бегала по дорожке. Я быстро разыскала его, засунула Подагре в рот и застегнула у неё на затылке ремешки.

— Уф! — перевела дух Аня:

— Плоская стиральная доска. А, жилистая какая! Стриптизёркой была, наверное.

Подагра стояла раком у станка, извиваясь как змея, дёргаясь всем телом во все стороны. При этом пыталась мычать сквозь кляп что-то нечленораздельное.

— Аня, тащи аппарат, — присела я рядом на корточках. эротические рассказы Груды у Подагры были конусообразные, плохо сформировавшиеся и слаборазвитые. Полторашки, не больше. Но соски крупные, продолговатые. Я люблю свою работу. И давно пришла к выводу: только индивидуальный подход к каждой пациентке, может сделать из неё хорошую корову.

— Не бойся, глупенькая. Это очень приятно, — погладила я её по спине. Другой рукой по очереди стала ловить каждую болтающуюся грудь и массировать, переходя пальцами на соски. Несмотря на недоразвитые груди, соски у неё были замечательные. Я, сначала легонько, потом сильнее, подёргала за них. Молока у Подагры не было.

— Как же так? Она недавно родила, — повернулась я к Ане.

— Сейчас посмотрим какого цвета у этой стервы ливер. А там и молочко пойдёт, — со злорадной улыбкой Аня надевала резиновые перчатки.

— Сиськи мыть ей будем, — спросила я.

— И так сойдет, — Аня двинулась к ней. Я включила доильный аппарат, проверила на ладошке вакуум.

— Му-у-у! — замычала Подагра, когда я по очереди прищёпнула ей на груди молокоотсосы.

— Му-у-у! — задёргалась сильнее.

— Ты полегче там! — прикрикнула я на Аню.

— Надо же, впечатлительная какая! Она у меня сегодня пять раз кончит, — Анина рука в перчатке была уже в ней. Я провела жёсткий массаж грудей, но это не дало никакого результата. Тогда за трубки молокоотсосов стала оттягивать ей соски. Но всё равно ничего не получалось. Молока не было.

Вдруг, замелькали фары и за окнами послышался шум моторов. Аня оставила Подагру и бросилась к окну.

— Жорик со своими обезьянами вернулся, — испуганно отпрянула она от окна.

— Что делать будем? — уставилась она на меня.

— Звони! — я тоже бросила Подагру.

— Кому звонить? — схватила она телефон.

— Вере Ивановне звони!

Она торопливо набрала номер и прижала трубку к уху, нетерпеливо покусывая губы. Наконец на том конце ответили и она затараторила в трубку:

— Вера Ивановна, нас пытались изнасиловать, а теперь хотят убить! Лена?... Лена со мной...

Что делаем? Что делаем... Подагру доим. Какую Подагру? А... Ну, Люську-хозяйку. Поняла...

Видимо, на том конце прекратили связь.

— Что она сказала? — подбежала я к Ане.

— Сказала, чтобы не дёргались, — ничего не понимающими глазами уставилась она на меня.

Потом прошептала:

— Ленка. Валить отсюда надо.

— Далеко ты на таких шпильках убежишь, — показала я на её босоножки:

— Этих двух кенгуру в подвале не скоро найдут. А вот рваные шмотки Подагры в гостиной...

Всё равно ждать нужно. Вера Ивановна что-нибудь придумает.

А доильный аппарат в это время продолжал свою работу. Я пошла, чтобы выключить его, но в это время открылась дверь, и в комнату вошёл Жора.

— Ну, ни хрена себе! — уставившись широко раскрытыми глазами на голую, стоящую раком у станка с доильными молокоотсосами на грудях свою жену, остолбенел он.

— Хозяин, — в комнату вбежал охранник:

— Эти коровы двоим нашим в подвале яйца отбили!

— Как отбили? — Жора даже не пошевелился.

— Отбили так, что скорую вызывать надо. Один ещё скачет, а второй уже точно кастрат! — тут охранник тоже ошалелым взглядом уставился на Подагру.

— Как скачет? — Жора продолжал стоять, как вкопанный...

— Ну, как скачет? Как кенгуру скачет...

не сводя глаз с Подагры, медленно проговорил охранник.

— Ну, ни хрена себе! — наконец Жора произнёс первую осмысленную фразу.

— Хозяин! Семёновские быки дом окружают, — вбежал ещё один охранник и тоже застыл, глядя на Подагру.

— Ну, ни хрена себе! — опять медленно проговорил Жора.

Тут в комнату вошёл Семён Маркович. Он замер в дверях на мгновение, быстрым взглядом окинул происходящее и подошёл к Жоре.

— Егор Ефимович! Ты совсем обнаглел! Я тебе зачем мумушек прислал? А ты? Без разрешения, на халяву, на моём станке, моим доильным аппаратом, видите ли он свою бабу подоить решил!!! — во всё горло заорал Семён Маркович на Жору.

— Ну, ни хрена себе! — каким-то уж совсем беспомощным взглядом уставился Жора на Семёна Марковича:

— Твои коровы моим парням яйца отбили.

— А ты как думал? Коровы не только молоко дают. Они ещё и бодаться умеют. Вот, что.

Кончай этот беспредел! — Семён Маркович подошёл к Подагре и, размахнувшись, со всей силы вlepил ей ладонью по попе. Подагра дёрнулась, что ходуном заходил станок. Вдруг, как-то необычно хлопнул доильный аппарат, и по трубкам побежало молоко. Пусть тонюсенькими струйками, с перерывами, переходящими в капельки, но побежало.

— Ну, ни хрена себе, — Жора бросился к жене.

— Быстро в машину! — закричал на нас с Аней Семён Маркович.

— А вещи наши? — проныла Аня.

— Завтра ваше барахло привезут! — рявкнул Семён Маркович. Аня, вдруг, выпрямилась, поджала губки, подошла к Подагре и выключила доильный аппарат. Сорвала у неё с сосков молокоотсосы, схватила аппарат за ручку и поволокла к двери. Я догнала её, взяла аппарат за другую ручку, и мы выбежали в коридор.

— Девчонки! Давайте, помогу, — догнал нас Коля, водитель Веры Ивановны, взял доильный аппарат и взвалил его себе на плечо. Мы втроём вышли из дома.

У раскрытых ворот стояло несколько машин и много людей. Это были охранники Семёна

Марковича и Егора Ефимовича. Они, разбившись на группы, мирно беседовали друг с другом. Видимо, хорошо знали друг друга. Увидев нас, все замолчали и с нескрываемым интересом повернулись в нашу сторону. Разглядывали внимательно, как моделей на подиуме. Особенно Аню на её огромных каблучищах. Многие при этом улыбались.

Мы, не обращая на них никакого внимания, приподняв носики, гордо прошли к машине и уселись на заднее сиденье. Коля уложил доильный аппарат в багажник и сел за руль.

— А, что с Семёном Марковичем будет? — спросила Аня, когда мы уже ехали по трассе.

— Задержится, — ответил Коля.

— Зачем? — встрепенулась Аня.

— Надо же ему будет подождать, пока из Жориных ушей шашлык поджарят, — Коля вёл машину с серьёзным видом.

— Как шашлык из ушей, — у Ани открылся рот.

— Как-как, на мангале, — вздохнул Коля. Мы расхохотались.

— Да ну вас! — надула губки Аня и отвернулась к окну.

— Куда мы едем? — спросила я.

— На дачу Семёна Марковича. Там вас Вера Ивановна уже заждалась. ответил Коля.

Встретив, Вера Ивановна сразу же провела нас в дом. Показала сначала мою комнату, потом Анину. Коля принёс доильный аппарат и ушёл. Вера Ивановна выглядела очень усталой.

Казалось, даже двигается с трудом.

— У вас вечерняя дойка была? — спросила она.

— Нет ещё, — ответили мы в один голос.

— Доильный аппарат помыть надо. Там перегорелое молоко от Подагры, — добавила Аня.

— Сейчас я помою и подою вас, — взялась она за аппарат.

— Вера Ивановна, мы сами, — хотела я забрать его у неё.

— Что значит сами? — не позволила она. И тут я увидела на тумбочке ошейник с поводком.

Сразу вспомнила, что рассказывала мне Ольга, когда везла на машине домой. Я взяла ошейник, подошла к ней сзади и, перекинув через голову, неожиданно застегнула его у неё на шее.

Вера Ивановна удивлённо заморгала и обмякла. Аня недоумённо уставилась на нас.

— Чего вылупилась? Помоги раздеть её, — прикрикнула я на Аню. Мы сняли с неё халат, бюстик, трусики.

— Я никогда не видела Веру Ивановну голенькой. Она хорошенькая, — погладила её по животу Аня:

— Лен, давай поласкаем её.

— Прекрати! Найди в шкафу ночнушку и разбери кровать.

— Лен, ты чего?

— Когда тебя Семён Маркович через дырку в стене раком трахал, каково было?

— А ты откуда знаешь? — оторопела Аня.

— Неважно! А её сегодня не меньше двадцати шипованными презервативами через эту дырку отымели, — я уже начала злиться. Мы надели на Веру Ивановну ночнушку и уложили в кровать.

— Ошейник сниму только утром. Не смей вставать, — накрыла я её одеялом.

Мы вымыли доильный аппарат и, пока в моей комнате доили друг дружку, я рассказала всё, что знала про Веру Ивановну. Аня была потрясена...

— Вставай! Через полчаса завтрак, — утром разбудила меня Аня.

— А, Вера Ивановна? — открыла я глаза.

— Я ещё два часа назад сняла с неё ошейник. Она проснулась давно, — Аня почти силой вытащила меня из постели...

К завтраку мы опоздали. Когда вошли в гостиную, потеряли дар речи. За столом сидела Вера Ивановна, Семён Маркович и Егор Ефимович. Вера Ивановна жестом пригласила нас, и мы присели тоже.

— Мумушки, так, кажется, принято вас называть, я вам ваши вещи привёз и станок, — посмотрел на нас Егор Ефимович.

— Штука запатентованная. Мне лишние проблемы не нужны, — кивнул он в сторону Семёна Марковича. Потом опять повернулся к нам:

— Ну, двух козлов с катетерами на пару месяцев в больницу уложили — это понять можно. Защищались. Одному из этих уродов палец на ноге сломали — тоже допустимо. Благоверную подоить решили — списываю на профессиональный интерес.

Егор Ефимович поднялся из-за стола и прошёлся по залу.

— Но, вот зачем моей Люське глаз подбили? — он опять повернулся к нам.

— Так получилось, — опустив глаза, пробубнила Аня.

— А, что с Люсьен Васильевной? — спросила я.

— Что-что? Утром девочек грудью покормила, а сейчас тёте Поле обед готовить помогает! — махнул он рукой:

— Семён Маркович, пойдём отсюда. Смотреть я на твоих мумушек не могу. Руки чешутся. Мужчины вышли из зала.

— Вера Ивановна, что же теперь будет? — жалобно пролепетала Аня.

— Денег много будет! — Расхохоталась, вдруг, Вера Ивановна:

— Уже вся Москва знает, что две мумушки со станком и доильным аппаратом за один вечер из отпетой стервы сделали любящую маму и заботливую хозяйку. Цены вам теперь не будет, девчонки!